

А. Л. ЯКОБСОН

**СРЕДНЕВЕКОВЫЕ СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ
ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА**

Средневековая деревня Крыма, особенно его юго-западных районов, до сих пор изучена очень мало. Если на основании многолетних раскопок мы можем получить приблизительное представление о городах Таврики, и в первую очередь о тогдашней столице края — Херсоне, то в отношении деревни мы не имеем никаких данных. Между тем очевидно, что без изучения средневековой деревни мы, в сущности, лишены возможности проследить основные исторические процессы, содержанием которых была феодализация и развитие феодальных отношений. Об этом приходится говорить лишь теоретически — ввиду почти полного отсутствия конкретного материала.

Неизученность средневековой деревни Крыма (у нас нет даже его исторической карты) объясняется, возможно, тем, что исследование ее — действительно трудная задача. Оно осуществимо только путем систематических археологических раскопок, так как письменные источники отсутствуют полностью. Однако такие исследования здесь никогда не производились, отчасти потому, что средневековые деревни нередко находились на месте современных и перекрыты ими, что практически делает почти невозможными их раскопки, отчасти потому, что такие раскопки не предвещают быстрых и эффективных результатов. Особенно важно археологическое изучение средневековой деревни Крыма в таком районе, как юго-западное нагорье, которое в средние века являлось районом наиболее густого и наиболее длительного заселения.

К такой работе мы и приступили в 1956 г. — сначала в Байдарской долине, где разведки¹ указали на несколько средневековых поселений, а затем в соседней Бельбекской долине. Помимо разведок, стационарные раскопки велись в пяти пунктах: в с. Родниковое (бывш. Скеля), с. Ново-Бобровка (бывш. Бага) — в Байдарской долине, с. Поляна (бывш. Маркур) и на возвышенности Пампук-кая — в Бельбекской долине², на плато Кыз-кермен — в долине р. Качи.

В Байдарской долине выявлено уже шесть средневековых поселений: одно — к северу от с. Широкое (бывш. Бюк-Мускомья), два — близ с. Передовое (бывш. Урукста), два — рядом с с. Ново-Бобровка (бывш. Бага), одно — рядом с с. Родниковое (бывш. Скеля). В соседней Варнутской долине, расположенной к северо-западу от Байдарской, около с. Гончарное (бывш. Варнутка) также находится сравнительно большое средне-

¹ Н. И. Репников. Разведки и раскопки на южном берегу Крыма и в Байдарской долине. ИАК, вып. 30, 1909, стр. 116.

² Обе долины входят в состав Куйбышевского района Крымской обл. УССР. Раскопки велись на средства Ленинградского отделения Института археологии АН СССР в содружестве с Государственным херсонесским музеем.

вековое поселение. В Бельбекской долине их больше: близ с. Н.-Ульяновка — у подножия возвышенности Пампук-кая, которую занимало небольшое укрепление, два поселения близ с. Поляна (бывш. Маркур), близ с. Новополие (бывш. Ени-сала), близ Голубинки (бывш. Верхняя Фоти-Сала), близ с. Отрадное (бывш. Гавры), близ с. Богатырь и др. Одно относительно большое укрепленное поселение — Кыз-кермен — расположено на горном плато, возвышающемся над р. Качей (в семи км к юго-востоку от Бахчисарая; раскопки его начаты в 1961 г.).

Настоящая краткая статья — отнюдь не отчет о проделанной пятилетней работе, а лишь попытка суммировать накопленный материал, количественно пока еще небольшой, но исторически важный и содержательный.

1

Прежде всего, разведки и раскопки, проведенные в названных долинах, охватывающих значительную часть юго-западного нагорья Крыма, дали возможность наметить хронологию средневековых поселений в этом районе. Хронологию их определяет главным образом массовый керамический материал — как подъемный, так и из раскопок указанных поселений. Остановимся кратко на этой керамике, и прежде всего на тех ее видах, которые хронологически показательны.

Весь керамический материал, не считая довольно частых позднеантичных находок, ясно делится на две неравные части. Первую из них, меньшую, составляет керамика собственно раннесредневековая. Для нее особенно характерны разрозненные обломки круглодонных амфор с глубоким и частым рифлением (верхней части сосуда), относящихся, судя по материалу из Северного и Западного Причерноморья (Херсон — в Крыму, Варна, Мадара, Несебр, Бургас — в Болгарии, Истрия — в Румынии³), к V—VI вв., может быть, отчасти к VII в. (рис. 1, а)⁴, а также фрагменты бороздчатых амфор (бороздчатость, следуя античной традиции, имеет профиль в виде набегающей волны), типичных, судя по херсонским находкам, для VI в.⁵ К раннему средневековью мы предположительно относим и фрагменты пифосов, венчики которых имеют сильный вынос. Наконец, ранним средневековьем следует датировать некоторые кровельные черепицы с высоким бортиком, также античным еще по своему характеру.

Количественно преобладает керамика, которую мы вправе, на основании многочисленных аналогий, отнести к последующему времени — VIII—IX вв. Особенно много встречается фрагментов черепиц и пифосов. Кровельные черепицы (рис. 1, б) имеют массивный широкий бортик, легкое сужение в нижней части (иногда и резкое сужение), часто — водосливные валики и иногда — рельефные знаки, служившие, несомненно, ремесленными метками (о них речь дальше). Близкий тип черепицы-керамиды хорошо известен по слоям IX—X вв. в Херсоне⁶. Однако имеются и некоторые отличия: у черепиц сельских поселений обычно более массивный и высокий бортик, нередко сужение в нижней части выражено слабее, водосливные валики часто отсутствуют. Эти признаки сближают большинство наших черепиц с раннесредневековыми и позволяют отнести их к проме-

³ K. Mijatev. Die mittelalterliche Keramik in Bulgarien. «Praehistorische Zeitschrift», XXXVII, N. 4, 1959, S. 223, fig. 2a; «Histria. Monografia arheologica», I. București, 1954, рис. 383—385. Ср. аналогичные амфоры того же времени из Афин: H. S. Robinson. Pottery of the roman Period. Chronology. Princeton. New-Jersey, 1959, pl. 29 («The Athenian Agora», vol. V).

⁴ А. Л. Яковсон. Средневековые амфоры Северного Причерноморья. СА, XV, 1951, стр. 329, рис. 10, 3.

⁵ Там же, рис. 3, 14.

⁶ См. А. Л. Яковсон. Средневековый Херсонес. МИА, № 17, 1950, стр. 119 сл.

жуточному типу, непосредственно предшествующему IX—X вв., и соответственно датировать их VIII—IX вв.

Второй формой керамики из сельских поселений, столь же массовой, являются пифосы, представленные не только множеством фрагментов, но

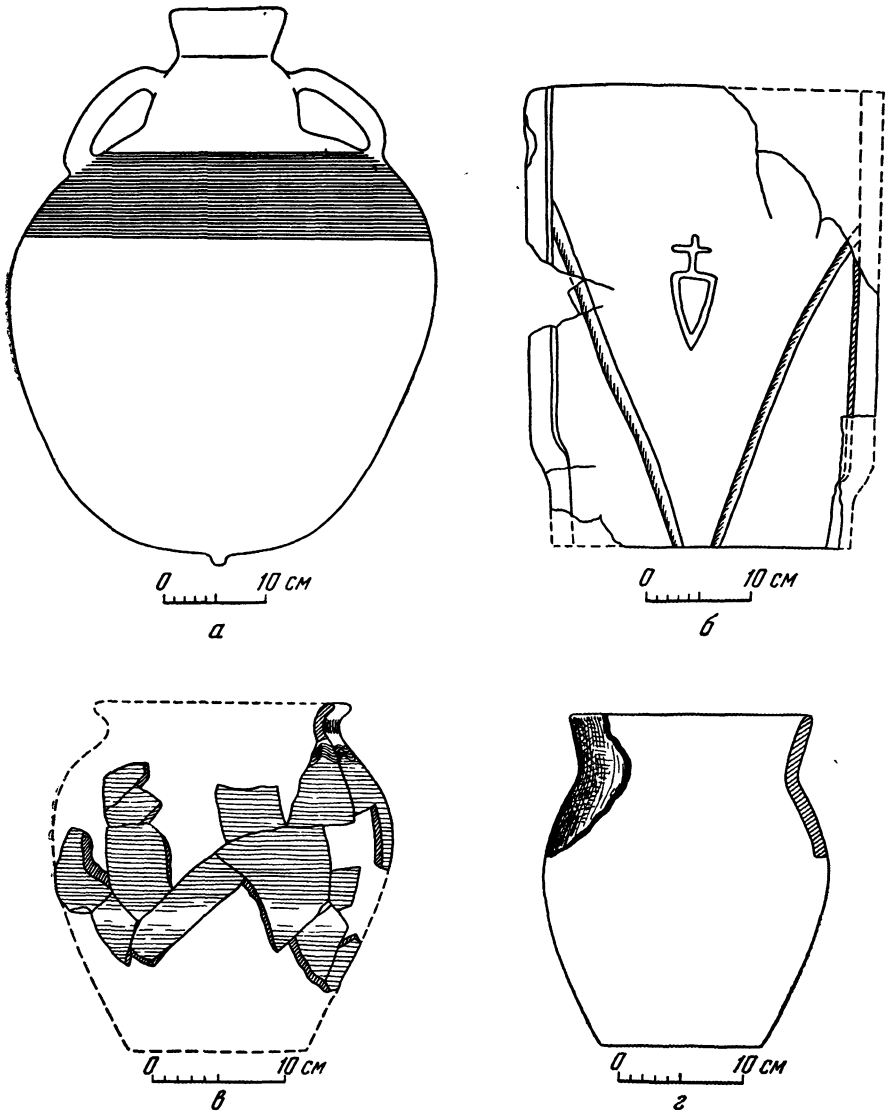

Рис. 1. Керамика:

а — амфора с глубоким рифлением (Музей Варны, Болгария), VI в.; б — черепица (керамика) из поселения близ Бобровки, раскоп 5, № 163/58, VIII—IX вв.; в — «салтовский» горшок со сплошным рифлением и волной из поселения близ Бобровки, раскоп 7, № 136/59, IX в.; з — фрагмент лепного горшка из поселения близ Поляны, раскоп 1, № 52/60

и целыми экземплярами. Форма пифосов — вытянуто-яйцевидная, сужающаяся к узкому массивному днищу (обычно пифосы закапывались в землю); широкое горло имеет массивный приблизительно треугольный в сечении венчик с широким горизонтальным краем; стенки пифосов —

обычно сглаженные или штрихованные; высота пифосов различна (от 0,90 м до 2,15 м) (рис. 2, *в*). Такого рода пифосы тоже хорошо известны в Херсоне в слоях IX—X вв.⁷ Однако в сельских поселениях одновременно бытовали и другого рода пифосы — с горизонтально желобчатой поверхностью (рис. 2, *а*) или с рельефными горизонтальными валиками, как бы обручами (рис. 2, *б*), что отражает, по-видимому, более раннюю традицию⁸; по крайней мере эта особенность не характерна для херсонских пифосов и может указывать на более позднюю дату последних. Такие желобчатые

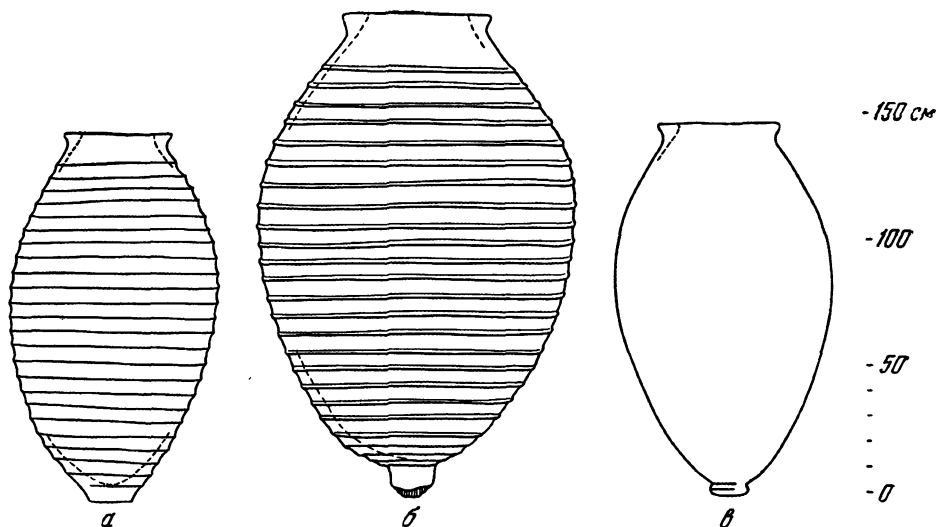

Рис. 2. Пифосы VIII—IX вв.

а, в — пифосы из поселения близ Бобровки, раскоп 2; *б* — пифос из поселения близ Поляны, раскопки 1960 г.

пифосы мы также считаем возможным отнести к предшествующему времени — VIII, может быть, к IX в.

Датировку большей части керамики из сельских поселений Юго-Западного Крыма этим временем подтверждают находки амфор причерноморского типа (условно называемых салтовскими), которые хронологически не выходят за пределы VIII—IX вв.⁹ Вместе с тем обращает на себя внимание полное отсутствие там амфор, типичных именно для X в. и постоянно находимых в Херсоне в слоях этого времени¹⁰. Далее, показательными многочисленными находками фрагментов высокогорлых кувшинов с плоскими ручками, столь распространенных в поселениях и городах Северного Причерноморья — в Крыму, на Тамани, Нижнем Дону — в IX—X вв., но редких в наших поселениях. К тому же здесь бытовал, по-видимому, только ранний вариант их (со слегка округлой нижней частью), датруемый IX в.¹¹

⁷ См., например, Г. Д. Белов, С. Ф. Стрелецкий и А. Л. Яковсон. Квартал XVIII (раскопки 1941, 1947 и 1948 гг.). МИА, № 34, 1953, стр. 222, рис. 74 и 75.

⁸ Ср. амфоры конца VI в. из Афин с такой же желобчатой поверхностью: H. S. Robinson. Op. cit., pl. 34 (M. 373), 40.

⁹ См. А. Л. Яковсон. Средневековые амфоры. . . , стр. 332—333, рис. 5 и 6, 21; В. В. Борисова. Средневековая гончарная печь. «Сообщения Херсонесского музея», I, 1960, стр. 45, рис. 3.

¹⁰ А. Л. Яковсон. Средневековые амфоры. . . , стр. 333, рис. 6, 25, 26.

¹¹ Там же, стр. 337, рис. 10, 29, 30.

Для выяснения хронологии наших поселений важны небольшие шаровидные сероглиняные горшки с простым отогнутым венчиком; корпус их покрыт сплошным рифлением, а сверху украшен многорядной волной (рис. 1, е). Керамика эта очень характерна для поселений Восточной Таврики и Тамани, возродившихся в VIII в. (Илурат и Тиритака — в районе Керчи, Таматарха и Фанагория — на Тамани, Тепсенское городище в Планерском — в районе Феодосии и многие другие)¹². Бытовала она там в VIII—IX вв. Она в массе встречается в хазарском слое Саркела (IX—первая половина X в.)¹³ и обычна на поселениях так называемой салтовской культуры¹⁴. Кстати сказать, в соседнем Херсоне такие горшки почти не известны.

Устанавливаемой датировке (VIII—IX вв.) в сущности не противоречит и единственная херсоно-византийская бронзовая монета императора Маврикия (582—602), найденная в 1960 г. на глинобитном полу жилого помещения (с. Бобровка, раскоп 7, пом. 2). Судя по сильной стертости монеты, она находилась в обращении очень долго. Вместе с тем за все пять лет наших раскопок сельских поселений там не найдено ни одной херсоно-византийской монеты конца IX и X в., выпуск которой возобновился при императоре Василии I (867—886). Трудно допустить, что, находясь по соседству с большим по тому времени центром, каким был Херсон, сельское население не столь уж отдаленной от него округи не имело с ним никаких экономических связей. Более вероятно, что жизнь средневековых поселений Байдарской долины, как и Бельбекской, в период начавшегося массового выпуска херсоно-византийской монеты, т. е. в конце IX в., уже затухала.

Однородность представленного выше керамического материала на всех названных поселениях — как подъемного, так и из раскопок — указывает на их одновременное существование, продолжавшееся приблизительно до рубежа IX и X вв.

Обе хронологически различные группы керамики (V—VII и VIII—IX вв.) вполне соответствуют стратиграфии строительных остатков, двухслойности их, ясно выступающей на поселении близ Бобровки: строительные остатки собственно раннесредневековые, как показали раскопы 1, 4, 5 и 7, имеют свою ориентировку (северо-запад — юго-восток) и перекрыты стенами иной ориентировки (приблизительно север—юг) (раскопы 4, 5 и 7), относящимися к последующему периоду, который можно по керамике датировать VIII—IX вв.

Таков первый существенный результат археологического исследования сельских поселений Юго-Западного Крыма.

2

Анализ всего керамического комплекса, выявленного нашими раскопками, приводит и к другим, не менее существенным заключениям.

Раскопки выявили, что основным, самым употребительным и, следовательно, самым характерным видом бытовой керамики являлись не гончарные, а лепные горшки¹⁵ с бурым, местами красным черепком (вследствие

¹² См. А. Л. Якобсон. Раннесредневековые поселения восточного Крыма. Сб. «Боспорские города», т. II. МИА, № 85, 1958, стр. 474 и рис. 4.

¹³ С. А. Плетнева. Керамика Саркела — Белой Вежи. «Труды Волго-Донской археол. экспедиции», II. МИА, № 75, 1959, стр. 222, рис. 9.

¹⁴ И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. «Труды Волго-Донской археол. экспедиции», I. МИА, № 62, 1958, стр. 107 сл.

¹⁵ Относительно небольшое (в абсолютном выражении) количество находимых фрагментов таких сосудов объясняется прежде всего их небольшим размером по сравнению с огромными пифосами, которые обычно разбиваются на множество кусков.

неравномерности обжига) и грубым тестом с примесями песка и толченых раковин. Лепные горшки имеют обычно прямое, слабо расширяющееся горло и прямой непрофилированный венчик (рис. 1, з). Подобные горшки встречались в нижних (дорусских) слоях Саркела и датируются соответственно IX, может быть, началом X в. Эти лепные горшки являются, очевидно, продукцией домашнего хозяйства. Изготовление их показывает, что гончарство в то время еще не выделилось здесь в самостоятельную отрасль хозяйства, еще не стало ремеслом, хотя процесс формирования его в связи с интенсивным заселением края в VIII в. уже начался. На это указывают черепицы, о которых шла речь выше. Они, как было сказано, имеют много общего с черепицами из Херсона, но вместе с тем и ряд существенных особенностей, причем не только по форме, но и по характеру черепка, обычно светло-красного, в отличие от темно-красного и обычно более плотного черепка херсонских черепиц. Эти особенности отражали, несомненно, как разницу в технологии производства, так и различие сырья, о чем говорит и определенная специфика химического состава теста черепиц. По всей вероятности, большинство черепиц из обследованных сельских поселений Юго-Западного Крыма — местного производства, что подтверждают и неоднократно встречавшиеся на них рельефные знаки ремесленников, вырезавших свою метку на деревянной матрице, в которой формовались черепицы.

На поселении близ Бобровки уже зарегистрировано 24 различных знака (22 — на керамидах, 2 — на калиптерах), 1 знак — из поселения близ Поляны (на калиптере) и 3 знака — из поселения близ Гончарного (на керамидах)¹⁶. Большинство знаков являются греческими буквами или монограммами, часть знаков имеет форму креста (рис. 3). Из букв встречаются различные варианты Π (с прямыми или расходящимися ножками) и Ψ, а также Υ; монограммы представлены двумя вариантами Ϛ. Кресты — двух видов: простые и на треугольных подставках. На калиптерах из поселения близ Бобровки встречался исключительно один и тот же знак (оттиск одной матрицы) в виде Γ (в обратном начертании; правильным оно было на матрице), и только на поселении близ Поляны найден один знак в виде Θ.

Важно подчеркнуть, что почти все эти знаки не находят себе полных соответствий в Херсоне, где уже известно более трех сотен различных черепичных знаков, в том числе 59 принадлежащих черепицам IX—X вв.¹⁷ Это обстоятельство также указывает на то, что черепицы в сельских поселениях Юго-Западного Крыма привозились не из Херсона, а из какого-то иного, ближе лежавшего керамического центра с небольшим районом сбыта продукции.

Любопытно, что в каждом доме селения близ Бобровки преобладали одни и те же черепичные знаки; скорее всего, это объясняется тем, что хозяева домов приобретали черепицы преимущественно у одного гончара — владельца ремесленной мастерской.

Возникновение местного гончарного ремесленного производства нельзя не связать с экономическим подъемом Юго-Западного Крыма в VIII—IX вв. — в период оживления здесь старых и возникновения новых поселений. Ремесло Херсона не могло удовлетворить возросший спрос на черепицы, как и вообще на ремесленную продукцию, ибо город в те времена находился еще в упадке.

¹⁶ При подсчете числа знаков нами учитывались только те, которые сохранились полностью или настолько, что позволяют с бесспорностью их восстановить; всего же раскопки дали более 60 черепиц с рельефными знаками.

¹⁷ А. Л. Я к о б с о н. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры. МИА, № 63, 1959, стр. 317—320, рис. 173.

Среди черепичных знаков обращают на себя внимание знаки в виде крестов — простых или на подставке (черепицы эти происходят из поселения близ Бобровки) — и в виде высокорельефных крестов с расширяющимися концами (из поселения близ Гончарного). Очень вероятно, что эти

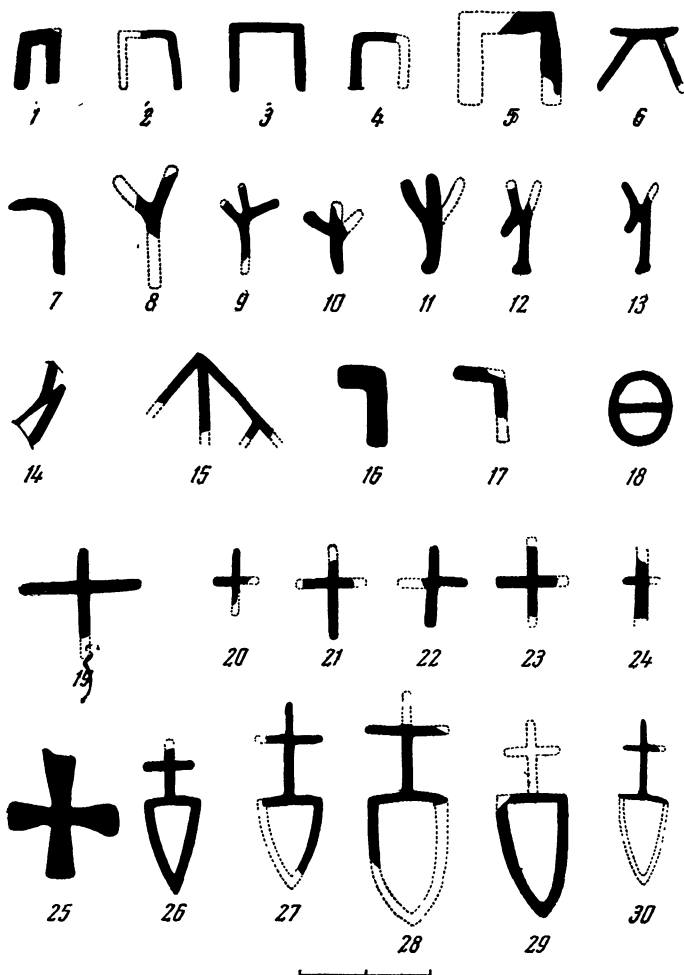

Рис. 3. Таблица рельефных знаков на черепицах VIII—IX вв.

1 — 187/58; 2 — 138/57; 3 — Г, 1960 г.; 4 — 210/59; 5 — 36/58; 6 — 153/59; 7 — 1/59; 8 — 303/58; 9 — 124/59; 10 — 116/58; 11 — 135/58; 12 — 152/58; 13 — 213/58; 14 — 190/59; 15 — Г, 1960 г.; 16 — к, 305/57, 274/58, 312/58, 52/59, 154/59, 247/59; 17 — к, 122/58; 18 — к, П, 22/60; 19 — 320/58; 20 — 303 и 307/58; 21 — 134/58; 22—23—283/58; 24 — 1/59; 25 — Г, 1960 г.; 26 — 168/58; 27 — 309/58; 28 — 310/58; 29 — 311/58; 30 — 308/58; к — калиптер; Г — поселение близ с. Гончарное; П — поселение близ с. Поляна; остальные черепицы найдены на поселении близ с. Бобровка. Цифры обозначают номера полевой описи (цифра в знаменателе указывает год раскопок)

знаки-кресты обозначали монастырскую гончарную мастерскую, ибо вряд ли их могли усвоить гончары-миряне. Такое предположение может быть подтверждено самым фактом возникновения монастырей в Юго-Западном Крыму именно в то время — в период усилившейся в Крым монашеской эмиграции в эпоху иконоборчества: назовем полупещерные монастыри в Каламите (совр. Инкерман), на Тепе-кермен, Чилтеру, Шулдан, возоб-

новленный в конце VIII в. монастырь в Партенитах¹⁸. Кстати сказать, совершенно аналогичные кресты в качестве рельефного ремесленного знака на черепицах известны в Грузии: такими черепицами крыты некоторые храмы в Кахетии, относящиеся как раз к VIII—IX вв.¹⁹

Приведенные ремесленные знаки на черепицах важны и еще в одном отношении: они указывают на господство среди местного населения греческой письменности²⁰.

Греческие надписи и монограммы встречаются и на пифосах; некоторые из них, возможно, также изготовлялись местными гончарами, но часть их привозилась, вероятно, из Херсона, о чем позволяет говорить не только форма, характерная для херсонских пифосов, но и специфический темно-красный черепок. Надписи и монограммы на пифосах, помещенные обычно на видном месте (на верхнем обресе венчика), служили, надо полагать, знаками собственности; например, на одном из них стояло имя (от него уцелел лишь конец: . . . ОС; из раскопа 7 в селении близ Бобровки), на другом — монограмма Λ (из раскопа 1 близ с. Поляна), на третьем Р и N, но знак сохранился не полностью (раскоп 7 близ Бобровки). Знаки эти начертаны до обжига, а это указывает на изготовление пифосов на заказ, что вполне объясняется самим характером производства таких массивных и трудоемких, а потому дорогих изделий.

Как видим, одни виды керамики, бытовавшие в сельских поселениях Юго-Западного Крыма VIII—IX вв., — бесспорно местного домашнего производства (лепные горшки и миски); другие, также местные по происхождению (часть черепицы и пифосов), указывают на начавшийся процесс выделения и развития местного гончарного ремесла. Одни формы керамики — кувшины с плоскими ручками, некоторые пифосы (правда, те и другие встречаются сравнительно редко) — свидетельствуют об определенных связях с Херсоном, вновь ожившим в конце IX в., другие формы — такие, как «салтовские» горшки со сплошным рифлением, серые сосуды с полосами лощения, причерноморские амфоры, да и лепная посуда (имеем в виду ее формы, не характерные для Херсона), — ясно указывают на связи с восточными районами Таврики. Это обстоятельство тем важнее, что относится оно к основным формам бытовой керамики, которой пользовалось население. Особенно показательны в этом отношении «салтовские» горшки, столь обычные на поселениях так называемой салтовской культуры и, наоборот, повторяем, почти не известные в соседнем Херсоне. Последнее, быть может, вызвано определенными этническими отличиями Херсона, в греческой среде которого так, по-видимому, и не прижились аланские и болгарские формы керамики, господствовавшие в деревне, где в свою очередь очень слабо прививались «городские» формы керамики — такие, как амфоры или кувшины с плоскими ручками. Наличие лешной посуды говорит, несомненно, об отсталости местной деревенской культуры в сравнении с культурой соседнего Херсона. О том же свидетельствует примитивность деревенского жилого дома и архаичность господствовавшей в деревне строительной техники.

¹⁸ Об этом см.: Ю. К у л а к о в с к и й. Прошлое Тавриды. Киев, 1914, стр. 74—75; А. Л. Я к о б с о н. Раннесредневековый Херсонес, стр. 44—45.

¹⁹ См. Г. Н. Ч у б и н а ш в и л и. Архитектура Кахетии. Исследование развития архитектуры в восточной провинции Грузии в IV—XVIII вв., т. I (атлас). Тбилиси, 1956, табл. 196 и 230; т. II (текст). Тбилиси, 1959, стр. 279—280, 307 (храмы в Гурджаани и Вачнадзиани); ср. т. II, стр. 119. По недоразумению Г. Н. Чубинашвили видит в этих крестах только украшение (т. II, стр. 279—280).

²⁰ Кстати сказать, среди местного населения было в той или иной степени распространено и христианство, на что указывает железный крест, найденный в одном из домов (Бобровка, раскоп 7, пом. 2, на полу), а также кресты в качестве ремесленных знаков на черепицах.

3

Для представления об облике культуры изучаемых нами сельских поселений VIII—IX вв. очень важен тип жилого дома, о котором позволяют судить раскопки близ сел Бобровка и Поляна. В обоих пунктах открыто уже несколько жилых домов того времени, имеющих ряд общих черт, по-видимому, типичных.

Небольшой дом состоял, как правило, из двух помещений, из которых одно, несомненно, являлось жилым, на что указывает, в частности, наличие в нем открытого очага — в середине помещения (Бобровка, раскопы 2 и 7) или в углу его (Поляна, раскоп 1), иногда печи-каменки, также в углу (Бобровка, раскоп 4) (рис. 4). К жилому помещению во всю его ширину примыкало хозяйственное помещение, служившее также кладовой; в одном из раскопанных домов хозяйственное помещение было удлиненным (Кыз-кермен, раскоп 1, 1961 г.), в другом очень узким (Поляна, раскоп 2, 1961 г.); лишь в одном доме (Бобровка, раскоп 7) кладовка была миниатюрной. В этом помещении стояли пифосы, в которых хранились продовольственные запасы (Бобровка, раскоп 2; Поляна, раскоп 1) и хозяйственный инвентарь (например ручные жернова). Нередко большие пифосы устанавливались вне дома, рядом с ним (Бобровка, раскоп 2 и 7, Поляна, рядом с раскопом 1). Общие размеры помещений — жилого и хозяйственного — довольно близки²¹. Приблизительно одинаковой на обоих поселениях являлась и ориентировка домов — по странам света. Общие черты носит и строительная техника, которая являлась, видимо, традиционной для сельских поселений Юго-Западного Крыма. Дома построены на каменном основании в один или несколько рядов; кладка выполнена из разномерного бутового камня приблизительно выдержанными рядами, на глине. В одном из домов (Бобровка, раскоп 2) сравнительно толстая стена (толщ. 1,0—1,3 м) сложена по принципу раннесредневекового строительства в виде двух лицевых кладок из крупных подтесанных блоков с забутовкой сердцевины стены; в некоторых других домах (Бобровка, раскоп 4 и 7) применена система кладки «в елку»; углы входов, а также наружные углы сложены из более крупных камней. На каменное основание опирается глинобитно-жердевая конструкция в виде нетолстых стоек-жердей, горизонтально соединенных плетнем, покрытым толстым (3—4 см) слоем глиняной обмазки. Особенно ясно выявлена эта конструкция в Бобровке (раскоп 7) и Поляне (раскоп 1). Стойки поддерживали, очевидно, деревянные стропила, по которым была уложена черепичная кровля; впрочем, помимо черепиц, являвшихся дорогим кровельным материалом, для кровли использовалась, вероятно, и солома (Поляна, раскоп 1, пом. 1). Пол помещений был везде плотный, глинобитный, в хозяйственных помещениях — очень неровный.

Раскопки выявили одну характерную особенность домов: уровень пола помещений находился несколько ниже дневной поверхности; иначе говоря, помещения в той или иной степени были углублены в землю, напоминая в этом отношении полуземлянки.

Все раскопанные дома погибли при пожаре (пол местами обгорел докрасна, на полу были разбросаны куски горелых стоек, некоторые камни от огня потрескались, отдельные черепицы от огня деформировались и ошлаковались).

²¹ В селении близ с. Бобровка его размеры: на участке раскопа 2 — 3,1×3,4 м; на участке раскопа 4 — 5,4×2,6 м; на участке раскопа 7 — 7×4 м; в селении близ Поляны, раскоп 1 — 3,6×3,1 м.

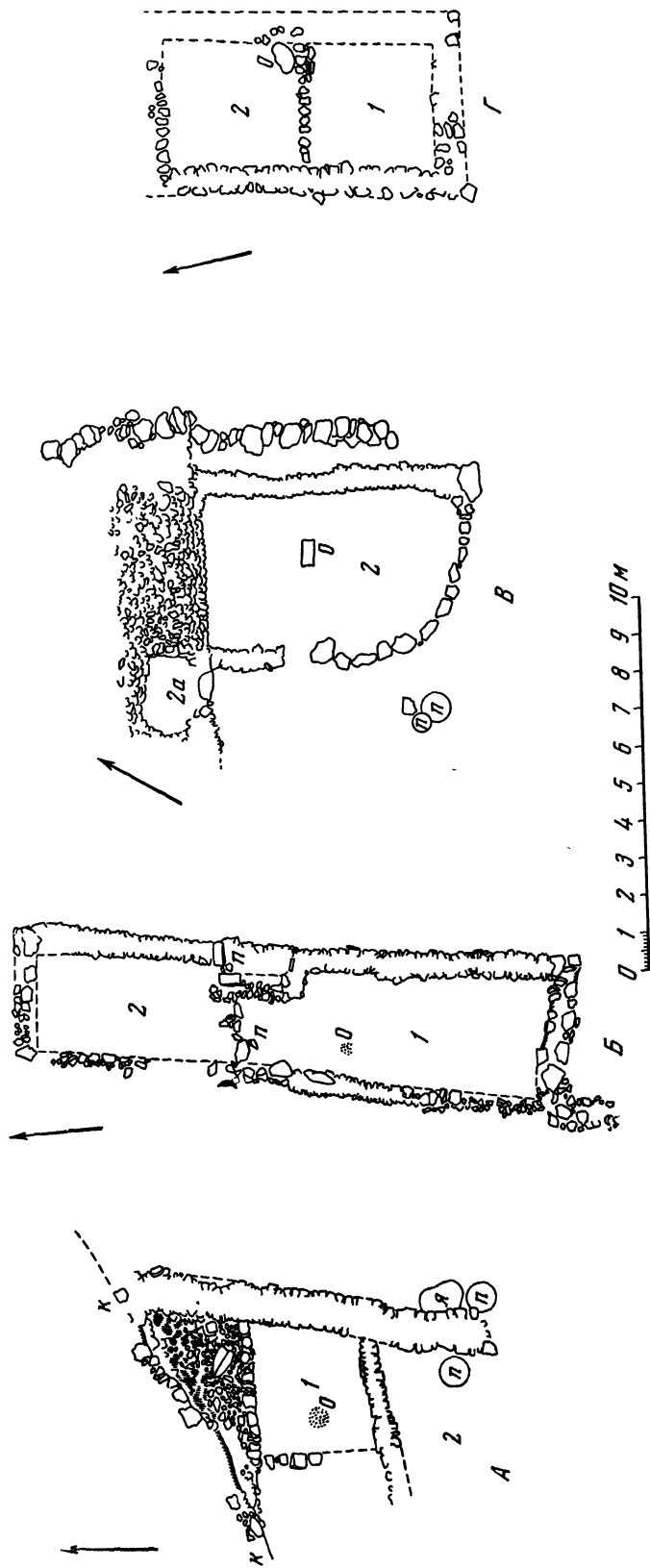

Рис. 4. Планы жилых домов VIII—IX вв., раскопанных близ с. Бобровка (А, Б, В) и близ с. Поляна (Г)
 А — Раскоп 2 (1956 г.); Б — Раскоп 4—5 (1957—1958 гг.); В — Раскоп 7 (1959—1960 гг.); Г — Раскоп 1 (1960 г.); о — очаг; л — яма
 с зернами проса (?)

К дому примыкал, по-видимому, дворовый участок, где помещали большие пифосы, зарывавшиеся на большую часть их высоты в землю и составлявшие обязательную принадлежность домашнего хозяйства²².

В таком виде жилой дом не характерен для Херсона²³; отличия заключаются не только в планировке, но и в применении глинобитно-жердевой конструкции сельских домов, как и в архаической технике их каменной кладки, которая следовала очень старой традиции. Зато такой дом являлся, по-видимому, типичным для поселений восточных районов Таврики, насколько об этом можно судить по раскопкам Илурата²⁴ и городища на горе Тепсень (в Планерском, к западу от Феодосии)²⁵. Здесь жилой дом также состоял из двух помещений, стены которых были сложены из самана на каменном основании, причем применена также система кладки «в елку». Те же черты прослеживаются и далее на северо-восток — в Подонье²⁶.

4

Эта близость, ясно проявляющаяся в различных сферах материальной культуры, и, наоборот, резкое отличие от всего того, что наблюдается в Херсоне, может найти объяснение лишь в реальных связях носителей самой культуры. Ведь самое расширение старых и возникновение новых поселений в Юго-Западном Крыму в VIII в., в чем получил свое выражение определенный подъем этого края, не могло иметь место без притока нового населения. Приток этот направился, как можно думать, именно из Восточного Крыма или смежных районов Приазовья и Северного Кавказа, населенных преимущественно аланами (о которых свидетельствует еще ранне-средневековая историческая традиция²⁷, как и археологический материал²⁸) и болгарскими племенами, являвшимися в интересующий нас период уже оседлыми²⁹, т. е. теми этническими элементами, для культуры которых особенно характерна так называемая салтовская керамика — горшки со сплошным рифлением и орнаментом в виде волны и серые сосуды с полосами лощения, и причерноморские («салтовские») амфоры,

²² Следует отметить одну особенность домов селения близ Бобровки, являвшуюся следствием местных топографических условий: дома там были расположены на широких террасах, выравненных на склоне возвышенности. Это вызвало необходимость сооружения каменных креpid, призванных укрепить грунт и представлявших собой сплошной каменный буттовый массив, к которому и примыкали жилые дома.

²³ См. Л. А. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес, стр. 285 сл.

²⁴ Раск. В. Ф. Гайдукевича (1950 г.). См. В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Илурата, Тиритаки и Мирмекия. КСИИМК, вып. XLV, 1952, стр. 108 и рис. 45, 47. Размер помещений: 4,8×3,7 м и 7,5×3,7 м. Ср. А. Л. Якобсон. Раннесредневековые поселения. . ., стр. 476.

²⁵ См. В. П. Бабенчиков. Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень. Сб. «История и археология средневекового Крыма». М., 1958, стр. 96—100; М. А. Фронжуло. Розкопки жилих комплексів на середньовічному поселенні поблизу с. Планерське (1954—1955 рр.). «Археологія», XII, 1961, стр. 171 слл.

²⁶ Много общего в конструкции дома Карнауховского поселения близ ст. Цымлянской (по раск. И. И. Ляпушкина в 1950—1951 гг.). См. И. И. Ляпушкин. Указ. соч., стр. 101.

²⁷ «Землями алан» называет Аммиан Марцеллин придонские степи и весь район Приазовья (Historia, XXXVI, 3. Ср. Аммиан Марцеллин. История. Пер. Ю. Кулаковского, вып. III. Киев, 1908, стр. 243). Сармато-аланский облик культуры позднеантичного Боспора уже давно является общепризнанным фактом (см., например, В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 418 слл., 421—430, 469—477, 480—481). Основание Феодосии (Αρδαβδα) раннесредневековая традиция также связывает с аланами (см. В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. М., 1949, стр. 38).

²⁸ И. И. Ляпушкин. Указ. соч., стр. 146.

²⁹ Там же, стр. 147. В X в. их знают русско-византийские договоры.

и специфической формы лепная посуда, — словом, вся та керамика, которая бытовала среди населения Байдарской и Бельбекской долин³⁰. К числу этих восточнокрымских признаков следует отнести и тип описанного жилого дома.

Чем вызван был приток нового населения? Юго-западное нагорье Крыма издавна являлось одним из основных земледельческих районов полуострова, куда не доходили волны опустошительных набегов варваров-кочевников³¹, не раз разорявших степные поселения Приазовья и Восточного Крыма. В 70-х годах VI в. Восточный Крым вновь подвергся нашествию варваров — на этот раз хазар, о чем сообщает византийский хронист Феофан³². Однако позднее наступила определенная стабилизация, волны варваров отхлынули³³. Хазарская же зависимость, распространившаяся в VII в., как известно, и на западное нагорье, вряд ли выходила за рамки даннических отношений; к тому же и сам хазарский каганат начал в VIII в. клониться к упадку. Оживлению Юго-Западного Крыма в сильной степени способствовал и другой политический фактор — ослабление византийского господства в Крыму, начавшееся в VII в. в связи с общим кризисом империи, когда и Херсон, форпост Византии в Северном Причерноморье, к которому тяготела (и экономически, и территориально) Юго-Западная Таврика, вступил в полосу застоя. Эта новая обстановка, сложившаяся в Юго-Западной Таврике к VIII в., — исчезновение угрозы варварских вторжений и ослабление византийской власти (если не полное отпадение края от Византии) — создавала сравнительно благоприятные условия для развития в юго-западном нагорье земледельческих общин или расширения ранее существовавших и рождения новых.

Это были именно земледельческие поселки, в чем убеждают и находка очень массивной железной мотыги (Поляна, раскоп 2, 1961 г.), и частые находки при раскопках круглых ручных жерновов для размола зерна, и скопление горелых зерен пшеницы (в жилище, примыкавшем к храму на Пампук-кая, раскопки 1961 г.), и горелая солома на глинобитном полу, и зерна, замешанные в глиняное тесто, из которого изготовлялись черепицы. Косвенно свидетельствуют о том же и большие пифосы, в которых обычно хранилось зерно³⁴. С земледелием, вероятно, сочеталось и скотоводство, о чем позволяют говорить многочисленные находки костей мелкого и крупного скота, а также глиняных (реже каменных) пряслиц, которые употребляются при прядении волокна (в Крыму это была, скорее всего, шерсть). Вряд ли можно сомневаться и в общинном укладе жизни этих поселков.

В связи со сказанным небезынтересно одно наблюдение: все обследованные поселения Юго-Западного Крыма как бы группируются вблизи небольших крепостей, занимавших соседние возвышенности и вполне синхронных этим поселениям; об этом говорит характер кладки сохранившихся стен крепостей и подъемный керамический материал на территории некоторых из них.

Одна такая крепостца существовала близ Бобровка на плато возвышенности, южный склон которой занимало средневековое поселение. Аналогичная крепостца, судя по ее остаткам, находилась близ с. Передовое,

³⁰ Трудно согласиться с И. И. Ляпушкиным (указ. соч., стр. 148), связывающим возникновение поселений VIII—IX вв. в Восточном Крыму только с оседанием болгар.

³¹ Иначе обстояло дело в степях Западного Крыма, разоренных гуннами. Район этот после IV в. фактически запустел, а уцелевшее население продвинулось в соседние долины Юго-Западного горного Крыма. Об этом см. Е. В. Веймарн. «Пещерные города» Крыма. СА, 1958, № 1, стр. 74—75.

³² Theophanis Chronographia, vol. I, ed. C. de Boor. Lipsiae, 1883, p. 358, s.

³³ И. И. Ляпушкин. Указ. соч., стр. 145—146.

³⁴ Не исключено и занятие рыболовством, на что указывает находка в одном из домов (с. Бобровка, раскоп 4) дисковидного свинцового грузила.

также на небольшой возвышенности. С ним, вероятно, связаны были два средневековых поселения: одно, расположенное рядом с крепостцой, другое — неподалеку, к востоку от него. К югу от трех поселений в районе с. Поляна, находившихся на небольшом расстоянии друг от друга (в радиусе 2—3 км), на возвышенности с татарским названием Сююрю-кая также сохранилась небольшая крепостца. Это еще не феодальные замки, а скорее крепости-убежища для группы сельских поселений-общин. В плане будущих исследований стоит более полное обследование этих памятников.

Наконец, еще один вопрос. Чем объясняется тот археологически установленный факт, что средневековые поселения Юго-Западной Таврики, по крайней мере в Бельбекской и Байдарской долинах, на рубеже IX и X вв. или в начале X в. перестали существовать: население покинуло насиженные места и весь этот край, как видно, запустел? Можно думать, что запустение было следствием вражеского нашествия, по всей вероятности, печенегов, активизировавшихся в Таврике как раз в конце IX—начале X в.³⁵ Опустошенными и безлюдными оставались эти места, как убеждает опять-таки археологический материал, вплоть до XI—XII вв. — времени возникновения княжества Феодоро, объединившего большую часть Юго-Западного Крыма, куда вновь потянулось земледельческое население. К XII—XIII вв. относится, как известно, возрождение этого края и подъем его экономики, продолжавшийся до турецкого завоевания Крыма в конце XV в. с перерывами, вызванными татарскими погромами конца XIII и конца XIV в.

Археологическое изучение средневековых поселений Юго-Западного Крыма еще только начато. Будущие исследования внесут, несомненно, много важных дополнений, а может быть, и изменений в те представления, которые мы могли составить по имеющимся фактам. Однако накопление нового материала идет слишком медленно, чтобы отказаться от предварительной попытки суммировать имеющийся материал и свести его в общую картину.

³⁵ По Константину Багрянородному (*De administrando imperio*, ed. Gy. Moravcsik. Budapest, 1949, p. 14₁₋₅), печенеги появились за 55 лет до написания трактата, т. е. в конце IX в. Первое появление печенегов в 867 г. отмечает и русская летопись (ПСРЛ, т. IX, 1862, стр. 9).